

УДК 101

Т.А. Бутенко

Северо-Кавказский федеральный университет

г. Ставрополь, Россия

t.a.butenko@yandex.ru

«ФОРМУЛА» СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ

[Butenko T.A. «Formula» of the modern Russian public consciousness]

In this paper an attempt is made to show «formula» of the Russian public consciousness in contemporary social and cultural conditions. The author, based on the well-known formula of Count S.S. Uvarov and taking into account the views of contemporary philosophers, comes to the approval of the «formula» in the interpretation of «Eurasian superethnical integrity. The continuity of the power vertical. Traditional ideology». He believes that this «formula» can be read in two ways: 1) to be sovereign and original participant in world politics, Russia must have a Eurasian superethnic integrity, and this is only possible while maintaining the continuity of the vertical of power, in turn, in order to strengthen its providing creative evolution of the soil, the traditional ideology; 2) the source of the Russian public consciousness is the traditional ideology, the system of conventional ideas, meanings and values, substantiates statehood in the form of successive vertical of power, which in turn provides a Eurasian superethnic integrity.

Key words: social consciousness, the Russian mentality, superethnos, tradition, ideology.

А. В. Гулыга, размышляя о том, какие задачи следует решить современной России для ее действительного возрождения, отмечал: «Необходимо прежде всего возродить единое национальное самосознание, истребленное, задавленное, опозоренное и униженное коммунистами и посткоммунистами. Необходимо возродить уверенность русского народа в своих силах, в способность самим устроить свою жизнь, сохраняя и развивая собственную самобытность» [3, с. 441]. В качестве двух других важнейших задач он называл укрепление государства и православной религии. В этих размышлениях, на наш взгляд, как бы отразилась, но в обратном порядке, дореволюционная формула российского общественного самосознания «Православие. Самодержавие. Народность», выведенная министром просвещения правительства Николая I графом С.С. Уваровым. «Как бы», поскольку у А.В. Гулыги речь идет не о народности, а о едином национальном самосознании, не о самодержавии конкретно, а о государственности вообще; и только православие остается у

него неизменной составной частью формулы. К тому же, последовательность понятий, а значит и приоритеты у него изменены совсем не случайно. Целостность суперэтнического самосознания, действительно, в реальной социокультурной ситуации современности, когда эта целостность порой бессознательно, но чаще целенаправленно разрушается и извне, и изнутри, выходит на первый план. Социальное же значение православной религии, несмотря на ее очевидное возрождение и укрепление, уже не столь велико, как в середине XIX в. Кроме того, использовать понятие православия при воспроизведении формулы отечественного общественного самосознания в условиях поликонфессиональности российского суперэтноса не совсем верно. Поэтому учитывая важность идеологической функции любой религиозной системы (или же квази-религиозной, например, «религии советизма» [1, с. 215]) приемлемо заменить это понятие в формуле на понятие идеологии.

Можно предположить, что в динамике российского общественного самосознания его формула, несмотря на некоторые модификации, сохраняется и сегодня может быть представлена в следующем виде: «Суперэтноментальная целостность. Государственность. Идеология». Нетрудно заметить, что формула эта открыта для всякого суперэтноса, поскольку еще не насыщена содержанием, поэтому требуется конкретизировать составляющие ее понятия.

Суперэтноментальная целостность может быть обеспечена в том случае, если у всей совокупности народов, входящих в суперэтническое образование, существует достаточно константный комплекс общих мировоззренческих стереотипов мышления и действия, т.е. если в их общественном сознании присутствуют элементы, которые можно объединить в едином для всех понятии суперэтнического менталитета. Но для такого объединения требуется совместность проживания, обеспечивающая связанность исторических судеб. В новейшей отечественной философии к теме географической обусловленности социального бытия как важнейшей для понимания общественных метаморфоз обратились в начале прошлого века русские эмигранты, основавшие недолго просуществовавшее социально-философское и общественно-политическое движение евразийства. Важнейшей категорией евразийства стала категория «месторазвития», вмещающего ландшафта, обуславливающего совместную жизнедеятельность обитающих на нем народов. Относительно этносов, проживающих на территории бывшей Российской Империи, они утверждали:

«Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям» [8, с. 198]. Следует отметить, что евразийцы, акцентируя свое внимание на естественных условиях этногенеза, тем не менее, не абсолютизировали их. Вмещающий ландшафт, считали они, безусловно, способствует единству, сплоченности народов, однако не детерминирует их целостность однозначно, поскольку, помимо природных условий, на развитие этносов воздействует множество других факторов – социокультурных, политических, экономических и пр.

Широко известны допущенные искажения евразийской идеи – и в прошлом, и в настоящем, однако это не может быть основанием для ее полного отвержения. В этой идее и в частных концепциях, ее вербализирующих, содержится большой положительный потенциал, требующий как теоретической разработки, так и практической реализации. Более того, альтернативы этой идее в настоящее время нет и не предвидится, о чем свидетельствуют современные политические события. Как писал Л. Н. Гумилев, считавший себя последним из евразийцев, имея в виду, разумеется, евразийцев прошлого: «Конечно, можно попытаться "войти в круг цивилизованных народов", то есть в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничто не дается даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» [4, с. 299]. Поэтому очевидно, что для сохранения себя как государства Россия должна заботиться об обеспечении устойчивости суперэтнического общественного самосознания как главного залога самостоятельного политического бытия, и стратегия такого обеспечения с необходимостью должна основываться на евразийской идее, все еще требующей более полной социально-философской концептуализации, раскрывающей ее потенциал. Общественная же российская практика уже интуитивно идет по пути осуществления этой идеи, поскольку иного пути нет, и в данном случае можно утверждать, что теория явно запаздывает.

Итак, первая часть воспроизводимой нами формулы российского общественного самосознания может быть конкретизирована как: «Евразийская суперэтноментальная целостность». Эта конкретизация дает нам ориентиры и для содержательного насыщения применительно к российскому суперэтно-

су следующего понятия формулы – понятия государственности. Для обеспечения своей стабильности всякое государство с необходимостью должно опираться на собственные политические традиции. Поставим вопрос следующим образом: а какой политический строй традиционен для России? Ответ здесь однозначен: монархия. С небольшим уточнением: не обязательно наследственная, тем более абсолютная монархия. Понятие монархии употребляется и в более широком философском смысле – единовластие. Причем, как известно, и у Платона, и у Аристотеля именно монархия является правильной формой государства, но при условии, что цель монарха – достижение блага для всех, если же эта цель деформируется и смыслом монархического правления становится благо для избранных, то монархия легко перерождается в тиранию, неправильную государственную форму.

Следует согласиться, что со времени становления Московского государства в России формой государства всегда, вплоть до нынешнего исторического момента, было единовластие, будь то наследственная, абсолютная монархия, или единоличная власть вождя, генсека, или же обеспечиваемая вертикалью власти практически неограниченная власть президента, в «ручном режиме» регулирующего общественно-политическую, культурную, экономическую жизнь. В этой связи необходимо признать, что другой традиционной формы правления у нас просто нет, поэтому так безуспешны попытки внедрения в России заимствованной либерально-демократической модели. Значит, именно монархия-единовластие есть единственно приемлемая для нас форма правления. Сюда можно добавить и аргумент от географии – широка Россия, и нет в ней порядка без крепкой централизованной власти; и аргумент от русского этнического менталитета – слишком волен русский человек, пьянит и дурманит эта воля, в совокупности с необъятными просторами, его голову, а потому нужен над ним строгий властный контроль. Но, пожалуй, наиболее убедительным будет аргумент от православного мировоззрения, в соответствии с которым мир строго иерархичен и подчинен в конечном итоге одному Богу, значит, и общество как часть этого мира также должно быть иерархизированным и управляемым одним человеком, мистическим помазанником Божьим.

Однако здесь необходимо вспомнить и о том, что в русской философии, отображающей традиционное мировосприятие русского народа, был силен также концепт народовластия [5, с. 86-89]. Но понимание последнего в рос-

сийской традиции сильно отличается от понимания демократической формы государства, сформированного на Западе и основывающегося на принципе индивидуализма. В концепте народовластия воспроизводится традиция русского вече, решающего только самые важные вопросы и делегирующего исполнение своих решений избранным и компетентным лицам, в которых воплощалась, хотя и временно, «вертикаль власти». Эта традиция влияла на общественную жизнь и в дальнейшем, при монархической форме правления, инициируя созыв в критические моменты Земских Соборов, после же установления абсолютистской монархии повлияла на формирование земств, решающих местные проблемы и представляющих собой своеобразную «горизонталь власти».

Сегодня для России необходима актуализация применительно к современным реалиям традиций как единовластия, так и народовластия. Гармоничное сочетание властных горизонтали и вертикали позволит, во-первых, снять колоссальную нагрузку с центральных органов власти, и, во-вторых, поможет обеспечить необходимую преемственность власти, что не позволит российскому государству трансформироваться в тираническую форму правления. Формирование механизмов осуществления такого сочетания, разумеется, является делом множества профессионалов из самых различных областей, однако при этом важно сохранение единой стратегии и понимание того, что иного, кроме творчески-консервативного, пути у России нет, тем более в условиях нарастания глобализационных процессов.

Таким образом, мы вправе кратко дефинировать государственность (второе понятие нашей формулы российского общественного самосознания), необходимую современной России как: «Преемственная вертикаль власти». Переходя к содержательному насыщению третьего понятия формулы («Идеология»), отметим, что исторически в России роль доминирующего идеологического фактора принадлежала православной религии, однако доминирование Православной Церкви в идеологической области было утеряно уже давно, почти три столетия назад, начиная с петровских реформ, и даже ранее. К тому же, в современных условиях поликонфессиональности и полиэтничности России утверждение православного мировоззрения в качестве идеологической платформы, призывы к чему можно иногда слышать, было бы опасным для стабильности государства, в котором, кроме того, множество людей «по традиции» продолжают считать себя атеистами.

Дефинируя понятие идеологии, можно сказать, что это – общепризнанные и осмысленные ценностно обусловленные представления о целях развития общества. И вполне понятно, что идеология как целевая причина с необходимостью должна коррелировать со всеми остальными причинами, что делает ее уникальной. В конечном счете, с одной стороны, именно идеологии принадлежит приоритетная роль в развитии этнического (суперэтнического) общественного самосознания, с другой – она сама прямо обуславливается им.

Немаловажно отметить, что негативное значение, часто придаваемое современными мыслителями понятию идеологии, сформировалось достаточно недавно, и это является следствием простой логической подмены. На основании того что в XX столетии существовали две мощные тоталитарные идеологии – фашизм и советский коммунизм, а сегодня расцветает еще и «либерально-демократический» тоталитаризм, делается вывод о вредности и ненужности всякой идеологии. Но известно, что индуктивное заключение от частного к общему нередко обладает погрешностью, тем более, если частные случаи рассматриваются весьма ограниченно (неполная индукция).

Столетие назад понятие идеологии рассматривалось более широко, в нем имелись и позитивные, и негативные смыслы. В энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона, например, под идеологией понимались и «учение об идеях, наука о познании», и «Теория к.-л. социального, экономич. или политическ. явления» [2, с. 239]. В советский период мы можем наблюдать трансформацию понятия, осмысление его уже не в этническом или государственном контексте, а в классовом: идеология – «система идей и взглядов: политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических, выражающих коренные интересы классов, социальных групп». Она «является отражением общественного бытия в сознании людей и в свою очередь активно воздействует на развитие общества, способствуя ему (прогрессивная и.) или препятствуя ему (реакционная и.)» [6, с. 187]. Идеология представляет собой систему разнообразных взглядов и идей, «в к-рых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности» [7, с. 477]. Как видим, при такой трактовке общественной идеологии достаточно сложно утверждать, что это явление атавистично.

Идеология нужна всякому здоровому обществу, нацеленному в будущее. Однако, возвращаясь к Православию, отметим, что оно в качестве действенной идеологии для современного российского социума не может быть приня-

то хотя бы по причине невозможности стать общепризнанной. Но зададимся вопросом – а должна ли общественная идеология носить монорелигиозный характер? И еще: претендует ли само Православие на роль государственной идеологии? Думается, на оба эти вопроса мы должны ответить отрицательно. Но следует ли в таком случае вовсе отказаться от ценностей Православия и пытаться конструировать совсем новую идеологию, основанную на придуманной или же заимствованной аксиологии? Думается, ни в каком случае, ведь, во-первых, попытки идеологического конструирования с неизбежностью приводят к тоталитаризму, чему нас научил век XX, и, во-вторых, православные ценности в ходе социально-исторического процесса уже «вцементировались» в общественное сознание, и следует исходить из их данности. Другое дело, что на российское суперэтническое сознание оказали влияние и другие идеологические факторы, как религиозного, так и секулярного характера, и речь необходимо вести о диалоге или даже полилоге традиционных представлений при формировании (а лучше – формулировании) общероссийской идеологии. Но, в любом случае, несмотря на кажущуюся аксиологическую разность этих представлений, объединяет их одно: российская суперэтническая традиция как уже ставший (и развивающийся далее) феномен, в котором имплицитно заложены те связи, которые могут помочь и «связыванию» новой, но при этом традиционной, идеологии России.

Таким образом, третье понятие формулы российского общественного самосознания можно конкретизировать как: «Традиционная идеология». И хотя мы насытили это понятие весьма скудным содержанием, объяснить это можно сложностью задачи широкого его дефинирования, в решении которой должны принимать специалисты буквально всех областей современного социо-гуманитарного знания.

Подытоживая наш дискурс, отметим, что отвечающая вызовам современности формула российского общественного самосознания может быть воспроизведена в следующем виде: «Евразийская суперэтноментальная целостность. Преемственная вертикаль власти. Традиционная идеология». В ней получают отражение важнейшие факторы, способствующие становлению и развитию суперэтнического самосознания, а именно – социокультурный, политический и идеологический (экономический же фактор, вопреки утверждениям экономического детерминизма, по нашему мнению, является служеб-

ным, производным от вышеперечисленных). Как видим, несмотря на очевидную динамику, изменение суперэтнического самосознания в социально-историческом процессе, эта формула в своих основных концептах сохраняет связь с традиционными представлениями (зафиксированными в формуле графа Уварова «Православие. Самодержавие. Народность»), что свидетельствует о том, что она характеризует становящееся во времени и пространстве, однако остающееся единым феноменом российское общественное самосознание.

Обратим внимание на то, что в вышеприведенной формуле приоритеты элементов ее составляющих можно распределять только условно. Логика графа Уварова ясна: вначале Православие как государствообразующая религия, затем самодержавие как наилучшее воплощение христианского идеала монархии, и только потом – народность, формирующаяся под влиянием и религии, и государства. Ясна также логика А.В. Гулыги, важнейшей задачей в деле возрождения России ставящая упрочение единого национального самосознания, и, как вытекающие – укрепление государства и православной религии. Приоритетно у него именно национальное самосознание, и с этим трудно не согласиться. Однако в нашей воспроизведенной формуле все элементы так или иначе имеют отношение к этому самосознанию, потому-то мы и ведем речь о формуле российского общественного самосознания. В последнем же все элементы целостны и взаимообусловлены, потому могут выделяться лишь в процессе социально-философского анализа, при проведении которого нужно помнить о необходимости дальнейшего синтеза, возвращения к целому. В этой связи, исходя из нашей формулы, можно сказать, с одной стороны, что для того чтобы быть суверенным и самобытным участником мировой политики, Россия должна обладать евразийской суперэтнической целостностью, а это возможно лишь при сохранении преемственности вертикали власти, в свою очередь, в целях своего укрепления обеспечивающей творческое эволюционное развитие почвенной, традиционной идеологии. С другой стороны, в логико-генетическом аспекте, можно также сказать, что источником российского общественного самосознания является традиционная идеология, система общепринятых идей, смыслов и ценностей, фундирующая государственность в форме преемственной вертикали власти, которая, в свою очередь, обеспечивает евразийскую суперэтническую целостность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балагушкин Е. Г.* Проблемы морфологического анализа религий. М., 2003.
2. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2003.
3. *Гулыга А. В.* Русская идея и ее творцы. М., 2003.
4. *Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1994.
5. *Лагунов А. А.* Нравственность и правосознание в контексте русской религиозной философии // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2007. № 1.
6. Словарь иностранных слов. М., 1988.
7. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
8. *Трубецкой Н. С.* Общеевразийский национализм // Мир России – Евразия: Антология. М., 1995.

REFERENCES

1. *Balagushkin E.G.* Problems of religions morphological analysis. M., 2003.
2. *Brockhaus F.A., Efron I.A.* Encyclopedic Dictionary. The modern version. M., 2003.
3. *Gulyga A.V.* Russian idea and its creators. M., 2003.
4. *Gumilev L.N.* From Rus to Russia: Ethnic history essays. M., 1994.
5. *Lagunov A.A.* Morality and legal consciousness in the context of Russian religious philosophy // Vestnik of North-Caucasian state technical university. 2007. № 1.
6. Dictionary of foreign words. M., 1988.
7. Soviet Encyclopedic Dictionary. M., 1987.
8. *Troubetzkoy N.S.* All-Eurasian nationalism // World of Russia - Eurasia: Anthology. M., 1995.

17 января 2015 г.
